

Рустем и Зораб: Рустем и Зораб. Первый бой

Category: Kitarcy, Poemalar

написано kitarcy | 25 января, 2025

Рустем и Зораб: Рустем и Зораб. Первый бой Книга седьмая.

Рустем и Зораб. Первый бой

I.

Он поскакал туда, где богатырь,
С ним однокровный, ждал, где сын его родной
Стоял, против отца вооруженный.
Завидевши один другого, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемов Гром и конь Зорабов,
Сын Грома, – тот, отца принесший
На убиенье сына; этот,
Принесший сына, чтоб погиб
Рукой отца: но как родные
Они приветственным друг друга ржаньем
Окликнули... о горе! неразумным
Зверям был внятн голос крови,
А в глубину души отца и сына
Он не проник – так бедный человек
В безумии страстей своих и зверя
Слепорожденного слепей бывает, –
Для витязей то родственное ржанье
Призывом было в бой свирепый,
И в них зажглось удвоенное пламя.
Остановясь один против другого,
Отец и сын издалека друг друга
Смертельным оком молча озирали.
А той порой две рати с двух сторон,
Свидетелями поединка,
В порядке вышли боевом;

Ведомые могучим Тусом,
Полки блестящие Ирана
Построились перед шатрами;
А Баруман туранские дружины
По склону вытянул горы,
Одним крылом их к замку прислонивши.
И тихим рати строем
Одна против другой стояли,
Как две на двух концах противных неба
Стоят грозой чернеющие тучи;
Желанье боя только в двух
Избранных витязях горело;
А вокруг их все молчало, рокового
События со страхом ожидая.

II.

И начали богатыри съезжаться,
И сблизились, и видели друг друга
Уже в лицо. Зораб,
К отцу влекомый тайной силой,
С весельем руки потирая,
Воскликнул: «Здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобного и сонный
Не видывал! моя завидна участь:
Я лётами еще полуребенок,
А мне с таким обдержанным в бою,
Железным воином досталось
Впервые силу испытать.
Велик твой рост, плечами ты широк;
Но много взяли сил твоих
И годы и сраженья;
С моею молодостью крепкой,
Седой боец, твоя не сладит старость».
На щеки розовые сына
Взглянув, Рустем сказал: «Не горячись,
Прекрасный огненный младенец;

Земля тверда, хотя и холодна;
А воздух тепел, но уступчив.
Я на своем веку немало
Полей сраженья перешел
И многим войскам, гордым силой,
Помог в сырую землю лечь;
Их много спит, в ее глубоком лоне
Моей рукою погребенных;
Ты скоро сам то испытаешь,
Когда тебя с другими положу я,
Убитого, во глубь земли холодной.
Когда же, паче ожиданья,
Моей руки ты избежишь,
То уж тебе никто – ни человек,
Ни крокодил, ни лев не будут страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мне жаль тебя, мне жаль такую
Младую душу из такого
Прекрасного исторгнуть тела;
Ты с турком, пальма красоты,
Не сходен; я подобного тебе
Не знаю и в самом Иране;
Мне жаль тебя». Такую речь
Приветно-нежную услышав,
Зораб почувствовал, что в нем
Вся внутренность затрепетала.
И он сказал: «О бодрый старец мой,
Я об одном спрошу тебя смиренно:
Ответствуй мне по правде: кто ты?
У наших праотцев благой
Обычай был себя перед сраженьем
Именоваться... какой-то голос
Мне тайно говорит, что ты
Рустем, зеленого шатра
Владелец». Так сказал Зораб...
И так над ними близко,
Неузнанное, пролетело

Мгновение, которым гибель
Могла б в спасенье обратиться
И злоба в нежную любовь...
Но темный дух нашел тут на Рустема;
Он отвечал: «Я не Рустем;
И знать тебе нет нужды о Рустеме.
Я подданный, а он державный князь;
Тебе ж не с ним считаться, а со мною;
Я у тебя в долгу: вчера я, ведай,
Во время пира в Белом Замке
Ночное совершил убийство».

III.

При этом слове гневом вспыхнул,
Как туча молнией, Зораб,
И разом оба поскакали,
Зораб направо от Рустема,
Рустем направо от Зораба;
И, отскакав во весь опор
На выстрел из лука, оборотили
Коней; и быстро полетели
Друг против друга две грозы.
И начался меж сыном и отцом
Упорный бой. Сперва на всем скаку
Они пустили копыя –
Со свистом пронизали
Они щиты, подставленные им,
И, пролетев сквозь них, воткнулись в землю.
Тут обнаженными мечами
Они разить друг друга принялись –
Мечи, скрестясь на ударе,
Переломились разом оба;
Они, мечей обломки бросив,
Железные схватили булавы.
Чего копые не тронуло, то меч
Рассек; чего не тронул меч,

То раздробила булава –
Так бились витязи, упорством
И силою один другого стоя;
И оба тягостно стонали;
На шлемах блеска не осталось,
Все перья с гребней облетели,
И ни одно кольцо на их кольчугах
Не уцелело; все избиты
Их были члены; пот ручьями
Бежал с их жарких лиц;
Под ними кони их дымились.
Так на небе две тучи громовые,
Сшибаясь, блистают и гремят
И молнии на молнии бросают;
Они друг друга истребить
Не могут, но под их войною
Земля приходит в трепет,
Их град тяжелый губит жатву,
И вся под ними сторона
Становится пустынна, как великим
Сражением растоптанная нива;
Когда ж их силы истощатся,
Они расходятся и грозно
Издалека друг на друга сверкают
И глухо, ропотно гремят.
Так витязи, истратив силы,
На время бой упорный прекратили.

IV.

Отец и сын избиты были оба.
Сошед с коней, они им дали волю
Вздохнуть; а сами разошлись
И издали дивилися друг другу.
Так говорил с самим собой Зораб:
«Не может быть, чтоб этот зверь,
Столь яростно меня терзавший,

Был мой отец; хотя и вижу в нем
Все признаки, описанные мне,
Но о такой невероятной злости
Мне мать не говорила; в ней
Любовь к нему родиться не могла бы,
Когда б ее очам явился он
С таким лицом чудовищного тигра.
Но он и сам назвал себя
Убийцей Синда... нет! он не Рустем;
Я клятвы долг святой исполню
И отомщу убийством за убийство».
В то время и Рустем с собою
Так рассуждал: «Не от простой
Он матери; она, конечно,
Не человеческой, а великанской
Породы: в возрасте его
Подобной силы не имел я.
Рустем, Рустем, остерегись;
Сбери всю крепость, старый богатырь;
Два войска смотрят на тебя,
Беда и стыд, когда с тобою
Турчонок безбородый сладит
И, возвратясь в Семенгам,
Расскажет сыну твоему
О поношении отца его, Рустема».
Так, отдыхая, размышляли
Отец и сын. Тем временем их кони,
Усталые от жаркой схватки,
Но пощаженные в бою,
Проветрились, остыли, освежились
И приготовились снова
Своих могучих седоков
Нести на смертный поединок.

V.

Еще усталые, чтоб силы обновить,

Они за луки и за стрелы
Схватились. Две первые стрелы
На воздухе слетелись остриями
И, обессиленные, пали
На землю; вслед за ними частым
Дождем другие зашумели;
Так вихрем сыплются сухие
С деревьев листья при осеннем
Свистящем ветре; так
Кругом ульев, когда согреет их
Лучом весенним солнце,
Сверкают и жужжат, рояся, пчелы.
И непрестанно в их руках
Сгибались и разгибались луки,
Визжали резко тетивы;
И с них стрела слетала за стрелюю;
И вслед за каждой из очей
Взор смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
От панцирей отпрыгивали стрелы,
Их острие ломалось об шлемы,
В щиты вонзаясь, на них
Они густой щетиною торчали;
Так солнца острые лучи,
Гранит могучий осыпая,
Ему пронзить не могут твердой груди
И лишь ее поверхность разжигают.
Истратив стрелы, наконец
Противники свои пустые
Колчаны бросили и на коней
Вскочили оба, чтоб начать
Войну губительную снова.

VI.

Слетевшись на конях, они
Вцепились крепкими руками

Друг другу в кушаки. Рустем
Сидел на Громе как железный;
Что он ни схватывал рукою,
Сжималось в ней, как мягкий воск;
Но он, схватив Зораба за кушак,
Был изумлен его сопротивленьем:
Как не колеблется утес,
Обвитый кольцами удава,
Так был Зораб неколебим,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зораб напрасно мышцы
Напряг, чтоб пошатнуть Рустема:
Как не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Так был Рустем неколебим,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдруг, кушак отцов покинув,
Как бешеный, Зораб впился руками
В его серебряные кудри,
Рассыпанные по плечам,
В сраженье выпав из-под шлема;
Он мнил, что вдруг сорвет его с седла;
Но он на нем, как вылитый из меди,
Не покачнувшись, усидел;
Один лишь клочок серебряных седин
В своих руках Зораб увидел;
Он задрожал при этом виде.
«Ты, богатырь неодолимый
Под сединами старика! –
Воскликнул он. – Зачем, зачем
С моею молодостью сильной
Свою выводешь старость в бой?
О! сердце у меня в груди поворотилось,
Когда в моей руке остались
Твои седые волоса!
Мне показалось, что обидел
Богопреступною рукою

Я голову отца святую!
О! для чего же мы друг друга
Должны так яростно губить?
Ужель других здесь не найдется
Противников, чтоб успокоить
В нас жажду огненную боя?»
Так воин молодой сказал;
А старый мрачно и безмолвно
Отворотил грозящее лицо.

VII.

И вдруг, как волк, врывающийся в стадо
Овец, он кинулся с мечом
На рать туранскую. Зораб
При этом виде повернул
Коня и яростный, как тигр,
Из тростника в табун коней
Одним влетающий прыжком,
Явился меж дружин Ирана;
И начал меч его сверкать,
Как молния, направо и налево;
И люди вокруг меча валялись,
Кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополам
Пересеченный. Той порой
Рустем, уже достигший строя
Дружин туранских, вдруг остановился
И, обратив глаза на рать Ирана,
Увидел, что в ее рядах
Расстроенных происходило;
Подумал он о бешенстве Зораба,
Подумал он о страхе Кейкавуса
И быстро, не взглянув на турков,
К своим на помощь поскакал.
Он там в толпе густой увидел,
Как рассыпал рубины крови

На яркий поля изумруд
Своим мечом Зораб. И он воскликнул:
«Остановись! зачем на слабых
Так бешено ты нападаешь?
Чем провинилися они перед тобою,
Что вдруг на них ты кинулся, нежданный,
Как зверь голодный на добычу?»
Зораб, его увидя, изумился.
«А ты, мой старый богатырь, –
Воскликнул он, – за что на бедных турков
Так яростно ударил? Чем они
Тебя обидели? Но вижу,
Что снова ты в сраженье вызвать
Меня желаешь – я готов».
На то Рустем отвечал: «Уж день
Сменила ночь; она покою
Принадлежит, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра,
Лишь на востоке солнце, витязь неба,
Свой меч подымет золотой и землю
Им облеснет, мы бой возобновим;
Будь здесь, а я здесь буду:
Мы, пешие, борьбою
И боем рукопашным дело
Начатое окончим; оба войска
Сражения свидетелями будут;
Увидим мы, которое из двух
Богатыря оплачет своего».

VIII.

Они расстались; сумрачен был вечер,
И темное тревожилось небо:
Оно как будто в погребальный
Покров заране облакалось.
Но весело Зораб вводил
Свои дружины в Белый Замок.

Он на пути спросил у Барумана:
«Что этот лев, который так измял
Мои бока тяжелой лапой,
Наделал здесь своим набегом? Много ль
Погибло от него народа?» –
«Ты повелел, чтоб войско было тихо, –
Так Баруман отвечивал, – и войско
Стояло строем неподвижным,
Готовое к сраженью; вдруг
Мы видим, кто-то чудный, грозный,
Неведомый, как будто из земли
Родившийся, незапно
Ударил в самую средину
Испуганной таким явленьем рати;
Все приготовились к отпору;
Но он, как будто уstraшенный,
Коня поворотил, назад
Помчался вихрем и пропал,
Как привиденье». Громко засмеявшись,
Сказал Зораб: «Итак, он только
Вас навестил по милости своей;
Напрасно ж он коня тревожил.
А я тем временем мой меч
Полакомил иранской кровью;
Нас темнота ночная развела;
Но завтра на рассвете
Опять начнется бой наш; завтра
Увидим мы, который устоит
Из нас двоих, который ляжет мертвый.
И обе рати станут в строй,
Чтоб быть свидетелями битвы.
Придется ль вам меня похоронить
Иль встретить с ликованьем – это
Нам скажет завтрашнее утро;
А нынче нам приличней, все забыв
Тревоги, влить вином душистым силу
В усталые от боя члены

И освежить язык, сожженный зноем.
Скорей, премудрый Баруман,
Вели нам пир обильный приготовить».

IX.

Тем временем, достигнув стана,
Рустем в шатре царя
С ним и с его вождями
За освежительным вином
О жарком бое вспоминал.
Была там речь лишь только о Зорабе.
«Зачем ему, – спросил Рустема царь, –
Ты волю дал напасть на наше войско?
Когда бы к нам на помощь
Ты вовремя не подоспел,
Беда великая могла бы нас постигнуть.
Но что же сам, скажи, о нем ты мыслишь?»
И, зависти не ведая, Рустем
Сказал: «Такого богатырства,
Такого льва в таком младенце
Еще я в жизни не встречал;
Он бог войны, не человек,
И не уступит мне ни в силе, ни в искусстве;
А свежей младостью своей
Мою он старость превосходит.
Мне предстоит с ним завтра тяжкий бой.
Я испытал сперва мое копье,
Потом мой меч, потом и булаву –
Все отразил он; напоследок, вспомнив,
Что в старину я многих силачей
Одной рукою схватывал с седла,
Ему в кушак я руку запустил
И силой всей его рванул, но он
Не пошатнулся. Нас теперь
Ночная тьма с ним разлучила –
Не знаю, мной остался ль он доволен?

А я доволен через меру им.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Ирана
И за свою, до сих пор без пятна
Мне сохранившуюся славу.
Как ныне, завтра оба войска
Свидетелями боя станут в строй;
И в этот час уж будет завтра всем
Известно, кто из нас двоих
Лежит убитый, кто живой остался;
Теперь же здесь, покуда мы еще
Все налицо, озолотим
Беспечным пированьем
Канун спокойный рокового,
Быть может бедственного дня.
Державный шах, благоволи
Нас угостить твоим вином душистым».

Х.

Так говорил Рустем; и речь его
Задумчивость мгновенную на сердце
С ним пировавших навела.
Но снова с блеском зашипело
Вино; за славу и победу
Рустема сдвинулися чаши,
И наконец по долгом пированье
Все по шатрам на сон и на покой
Полухмельные разошлись.
В зеленый свой шатер вошедши,
Рустем Зевару так сказал:
«Зевар, мой брат, ты видел ныне,
Каков был этот бой; что будет завтра,
О том из нас не ведает никто.
Я завтра рано выйду к делу,
А ты, мой брат, меня предав
Во власть всевышнему, останься здесь

И стражем будь моей сабульской рати.
Когда из рук судьбы мне выпадет победа,
Не стану я на месте крови медлить,
И ты меня в шатре увидишь скоро.
Но если мне иное суждено
От неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди в Сабул; дорогой же и дома
Всем говори: ему был рок погибнуть
От юноши. А матери скажи:
«Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоих
Глазах состарился и он;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о нем
Не сетуй; он великих дел
Довольно совершил; немало им
Истреблено чудовищ, великанов;
Немало крепких замков он
Разрушил и сравнял с землею;
Немало войск пред ним погибло –
Теперь настал черед и для него.
К железным смерти воротам
Конь жизни рано или поздно
Со всадником своим – кто б ни был он,
Могучий, слабый, храбрый, робкий, –
Примчится; каждому из нас
В те ворота в свой час придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольнение здесь от смерти
Он записи от неба не имел;
На вечное подданство ей
Мы все укреплены судьбою».
Так матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина последнюю мне чашу
На сон грядущий, брат Зевар,
И спи спокойно; остальное

Звездам на волю отдадим».
Рустем умолкнул, поданное выпил
Вино, разделся, лег
И в сон глубокий погрузился. Poemalar